

СИНДРОМ АЛЬТРУИЗМА В ФИЛОСОФСКОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

У статті проаналізовано сучасне розуміння сутності альтруїзму, визначено розбіжності між поняттями «ідеал», «філософське мислення» та «альтруїзм». Автор приділяє увагу альтруїзму як елементу філософського образу життя.

Ключові слова: альтруїзм, філософське мислення, філософський образ життя.

At the article the analysis of the modern comprehension of essence of the altruism and defined the differences between by the notions «ideal», «philosophical thinking» and «altruism». The attention is paid of the altruism as of element of the philosophical mode of life.

Keywords: altruism, philosophical thinking, philosophical mode of life.

Проблема альтруизма имеет длительную историю своего исследования. Формулированию термина предшествовали изыскания А. Шефтсбери, А. Смита, Ф. Хатчесона, Ж.-Ж. Руссо. Основным направлением было его противопоставление эгоизму как ведущему принципу жизни. Также осуществлялся анализ распространения подобных явлений в обществе. Обоснование О. Контом термина углубило дальнейшее изучение альтруизма И. Г. Гердером, И. В. Гете, А. Шопенгауэром, В. С. Соловьевым, Н. А. Бердяевым, К. Гилменганом, Н. Нордингсом, К. Н. Леонтьевым, Ф. Ницше, Н. Кареевым. Сравнение принципов милосердия, благожелательности, благодеяний, добродетей, коллективизма, альтруизма между собой позволило разнообразить ракурс и палитру оттенков анализа социальных отношений, дало возможность выявить сферы жизнеспособности данных образований. Сегодняшняя актуальность нам представляется необходимостью сопрягать между собой не только альтруизм-эгоизм, а соотносить идеал и альтруизм для того, чтобы постепенно обеспечивать тотальное поражение торжествующего эгоизма.

Исследование ученых генетиков последних десятилетий ориентировались на сопоставление альтруизма и агрессивности. Так, К. Лоренс утверждает, что агрессивность — наследственно закрепленная потребность [17, р. 59]. По его мнению, если у вас не хватает агрессивности, то вы не индивидуальность [18, р. 90]. Д. Крук, В. Холличер оспаривают генетически наследуемую потребность в агрессивном поведении [19, р. 154].

По мнению Н. П. Дубинина, И. И. Карпеца и В. Н. Кудрявцева, проявление агрессивности связано с типами человеческой культуры, это результат негативных социальных явлений [5, с. 221]. Родоначальник генеалогии В. П. Ефроимсон стоит на генезисной позиции, констатируя, что альтруизм наблюдаем в поведении многих видов: от насекомых до млекопитающих [7, с. 172]. Д. Т. Кембелл (США) базой альтруизма считает выгоду сотрудничества, наблюдаемую еще с древности в

человеческом сообществе [9, с. 81, 95].

Однако Ч. Дарвин глубоко сомневался в том, что альтруизм мог закрепиться в наследственных признаках организма потомков, так как благородные люди гибнут в среднем в большем числе, чем другие [4, с. 243].

Ранее упоминаемые Н. П. Дубинин, И. И. Карпец и В. Н. Кудрявцев стоят на позиции социального приоритета в генезисных основаниях альтруизма и агрессии. По мнению этих философов, с помощью генетики их сущность не может быть научно обоснована. Данную позицию разделяет А. Ф. Полис: естественная предистория определенных механизмов поведения человека, связанная с развитием и обогащением эмоциональности, способности к психосаморегуляции, образовало полюса: альтруизм и агрессивность, а не биологические предпосылки нравственности как компонента общественной жизни [12, с. 170].

Но мы не можем обойти вниманием недавнее сообщение генетиков США об открытии ими гена альтруизма. Ученые доказывают, что сделанное открытие позволяет утверждать: определенная часть людей обладает этим геном, и вся их жизнь подчинена его функционированию. Остальные люди, не наделенные им, пожизненно сориентированы только на себя и являются рабами собственного эгоизма. Представляется, что подобная позиция в значительной мере упрощает ситуацию, всецело игнорирует сферу воспитания, атмосферу семейных отношений, систему целенаправленного педагогического и родительского воздействия. Как установлено психолого-педагогическим циклом наук, многие природные задатки остаются нереализованными у ребенка, если отсутствует сосредоточенность педагогически грамотных взрослых на многообразных проявлениях детской психики и особенностях его телесной организации. Заинтересованная родительская позиция и профессиональная учительская ответственность за судьбу ребенка в большей мере способствуют выявлению его будущих личностных особенностей, их раскрытию и формированию. Но если ближайшее окружение будущего гражданина не руководствуется, например, принципом альтруизма в своей жизни, то словесные увещания не будут усвоены, породят уверенность во всеобщем лицемерии взрослых.

В многочисленных словарях и энциклопедиях [1, с. 10; 13, с. 38; 14, с. 10; 15, с. 28; 16, с. 47] альтруизм (от лат. *alter* – другой) определяется как система ценностных ориентаций, при которой центральным мотивом и критерием нравственной оценки являются интересы другого человека. Он может стать осознанной ценностнополагающей жизненной стезей, превращающейся в смысл бытия.

На наш взгляд, несколько упрощающим является определение альтруизма как морального принципа, предписывающего бескорыстное служение «ближнему», подавление собственного эгоизма.

Представляется, что менее акцентуированной и более современной выступает трактовка, где альтруизм как нравственный принцип предполагает бескорыстные действия, направленные на благо (удовлетворение интересов) других людей. Важно, что речь идет не об интересах одного человека и не фокусируется утверждение, что он из

числа близких. Альтруистические позиции могут быть проявлены человеком по отношению к немалому числу людей и необязательно — близких. Вспомним исторические факты, свидетельствующие об этом: не единожды врачи прививали себе смертельные бактерии, чтобы изучить ход болезни, помочь науке найти средства борьбы с многочисленными эпидемиями. За всю историю авиации выявлено много случаев, когда летчики с угрозой собственной жизни стремились отвести горящие самолеты от городских построек, дабы не пострадали люди. Какое большое количество людей, спасая других, сами погибали на рельсах, в реках, горах, море!

Величественны фигуры известных философов, руководствовавшихся принципом альтруизма как основополагающего в своем мировоззрении. Знаменитый Д. Бруно во имя сохранения философских и научных истин для будущего взошел на костер, но не изменил своим ценностным предпочтениям, несмотря на требования церкви отказаться от своих взглядов.

Сократ, уяснив продажность судий и бессмысленность речей о морали перед ними, выпил яд по решению «правосудия». Сделал так, дабы не поступиться своими философскими, нравственными истинами и не обесценить их в глазах своих учеников и молодых афинян.

Альтруизм как нравственный принцип рассматривался исследователями шире христианского милосердия, благожелательности, заботы, благодеяний в системе социальных коммуникаций. Установлено, что он отличается от принципа коллективизма, где акцентируется внимание на содействии благам целого сообщества всеми его членами.

Термин, вводимый О. Контом, базировался на идее самоусовершенствования личности. Но происходило это обоснование без всякого учета существа общественных отношений. Позиция односторонности в социальных процессах безуспешна. Как показала история, идея самоусовершенствования личности без изменения характера общественных отношений, многократно провозглашаемая философами, писателями, общественными деятелями, ни к чему не приводила.

Декларирование одностороннего решения социальных проблем бесперспективно. Критически отнесся к этому и Н. Т. Чернышевский, сравнивая понятия эгоизма и альтруизма в романе «Что делать?» (1863). А Ф. Ницше всецело отвергал альтруизм как гуманное проявление, достойное человека. По мнению философа, это «мораль слабых». «Сильные», движимые «волей к власти», полностью игнорируют его как проявление психологии нытиков и рабов плебейского духа.

На современном этапе данная проблематика актуализировалась. И прежде всего, обострился интерес к ней в художественной литературе. Давно установлено, что многие проблемные проявления, элементы нового быстрее воспринимаются деятелями искусств. В этом смысле они — предтечи и провидцы. В данный момент, вопреки утверждениям некоторых авторов, что у нас вышли из моды альтруистические ценности, это произошло в связи с обеспокоенностью писателей насильственным внедрением в массовое сознание

новых ценностных установок, чуждых славянскому менталитету. Мы являемся свидетелями тому, что прежние морально-нравственные ипостаси еще не изжили себя и продолжают исповедоваться многими членами социума. Подобная раздвоенность общественного сознания, детерминируемая диктатом инородных идеологических приоритетов, чревата особой болезненностью духа, невозможностью сориентироваться в подобной двойственности мировоззренческих императивов. Это крайне усложняет духовную жизнь, особенно у юных и молодых, предопределяет разобщенность поколений. Такое положение способствует возникновению у людей длительных дистрессов, что чревато пагубным влиянием на общее состояние здоровья. В последнее время данное явление стало обозначаться термином, позаимствованным у медицины, — «искусственная шизофренизация».

И еще одна противоречивая двойственность обращает на себя внимание. В глубинных слоях общественного сознания наличествует потребность взаимопонимания между людьми, бескорыстных отношений друг к другу, взаимопомощи, коллективистско-общинных начал в системе регуляции интересов. Внедрение идеологическими способами индивидуалистических тенденций (любой ценой не оказаться на дне жизни, либеральные нормы, абсолютизация своего «Я», денежно-знаковые приоритеты), новых для общинного самосознания славян, привело к существенному антагонизму. Большинство хочет проявления к себе гуманных норм в отношениях и страдает от капиталистической жестокости, синдрома вседозволенности, всеобщей распущенности нравов, аморальности, торжества порока. Но в то же время сами уже утрачивают собственные человеколюбивые ориентиры и становятся неспособными к проявлению чувств и установок добропорядочности, внимания, чуткости, отзывчивости к другим.

Ими все в большей мере допускаются лицемерие, ложь, симуляция, мимикрия, подлость, жажда наживы. Исконно у славян не было благоговения перед богатством, веками присутствовало понимание того, что праведными жизнью и трудом его не наживешь. Деньги считались вторичной ценностью, скорее даже – средством, а не самоцелью. Скупость, скарденность, жадность, алчность всегда, мягко говоря, не почитались. М. Цветаева была непоколебимо уверена, что осознание неправды денег в славянской душе невытравимо. Издревле неписанным законом славянского общения является табуирование темы денег, зарплат, доходов, денежных выигрышей и нарушение его воспринимается как проявление неприличия, нетактичности, бескультурья. Много раз в печати были свидетельства наших соотечественников о том, как неуютно они себя чувствовали, будучи гостями в семьях на Западе. Там все время только и шли разговоры о деньгах. Попытки изменить тему беседы были безрезультатными, все быстро возвращалось на круги своя. Но и в Европе великие люди протестовали против абсолютной власти денег. М. Лютер жестко высмеивал поклонение «золотому тельцу»: «Деньги дарит господь Бог только ослам, так как не удостаивает их ничем иным».

Сейчас определение человека как товара с конкретной стоимостью, — будь-то

спортсмен, музыкант, артист или журналист, — стало во всем мире нормой. И это, несмотря на психологический дискомфорт у нашего населения, всецело внедряется в принципы социальной жизни, диктаторски требуя поправки канонов славянской культуры, игнорирования духовного смятения, распадающегося сознания, анемии, необходимости гармонии существования. Предаются забвению славянская доверчивость, незлобливость, широта души, доброта, незлопамятность, стремление к духовному освоению мира, альтруизм.

Обесценивание высоких духовных идеалов, агрессия против человеческого достоинства побудили писателя М. Веллера создать образ героя-альтруиста в романе «Приключения майора Звягина» [2, с. 7–442]. Подобное название романа настраивает не на философский лад, а на приключенческо-боевой, но эпиграф несколько смущает и настораживает: рыцарский девиз – «Делай, что должен, и будь, что будет».

Главный герой романа, содержащего девять новелл, – майор медицинской службы, врач «скорой помощи» Леонид Борисович Звягин. Он постоянно сталкивается не только со смертью и тяжким нездоровьем людей, но и с их душевными страданиями, усугубляющими недуги. Не смог он равнодушно пройти мимо судьбы блокадницы, потерявшей малолетнего сына на «Дороге жизни»: машина во время бомбежки ушла под лед. Длительные поиски в архивах, сопоставления документов, небольшое лукавство майора помогли разрешить проблему, устроить ей материнское счастье на старости лет.

Дальнейшая служба свела Звягина с хроническим неудачником, уверившимся в своей тяжелой, неизбежно драматической судьбе. Молодой человек не боролся с трудностями, страдая, не противостоял неудачам, не анализировал их причины. Леонид Борисович в свободное от работы время учил его верить в себя, в свои силы, объяснял закономерности невзгод: неумение учитывать обстоятельства, соотносить желаемое и возможное, неспособность самому преодолеть комплекс неполноценности, перманентная абсолютизация неприятных мелочей жизни. С помощью постоянных бесед, длительного аутотренинга, чтения героем новеллы великолепных книг о мужественных людях, побеждающих невзгоды, врач помог бывшему неудачнику поверить в себя, повысить уровень психологической защищенности, достичь душевного равновесия, сформировать бойцовские качества. Подобная схема сработала и в отношении школьника, безотцовщины, которому внушили, что он тупой и бесперспективный. Длительно общаясь с ним, Звягин пробудил в нем чувство собственного достоинства, развил установку на успешную учебу для будущего карьерного роста. Но в этом случае врач «скорой помощи» через несколько лет с большим разочарованием для себя обнаружил свое поражение: из мальчика вырос льстец и лжец, махровый карьерист, отвратительный интриган, считающий, что в этом превзошел самого Макиавелли. Приоритет амбиций над совестью

сформулировал у молодого человека принципиально иное миропонимание, нежели то, к какому его вел Звягин во время врачевания его души. Возник пофигизм, глубокое равнодушие к судьбам людей и беспардонность.

Новелла «Некрасивая» повествует о роли Пигмалиона, успешно исполненной майором. Встретив на автобусной остановке очень некрасивую девушку, злую от постоянного и нездорового любопытства окружающих, Звягин сумел убедить ее в том, что можно изменить внешность. Последовали занятия с опытными спортивными тренерами по коррекции мышц тела, уроки с педагогами театрального института для исправления походки, движений, мимики, манер, дикции, повышения интонационной культуры. Произошла операция по выравниванию носа и зубов. Но самое главное – это беседы, от которых исходила теплая волна доброты, надежности и уверенности. Нужно было разуверившуюся в возможности собственного счастья заряжать безграничной энергией, непоколебимой волей, терпением и любовью к жизни, стремлением к дальнейшему самосовершенствованию [10, с. 136, 137, 142, 143]. Длительный поход за миловидностью завершился более чем благополучно и доставил его автору большое удовлетворение от сделанного.

Новеллы, посвященные выздоровлению алкоголика, исцелению безнадежно влюбленного и другие раскрывают глубокую потребность Леонида Борисовича устранять нерешенные проблемы. Он не считал потерей своего времени длительное продумывание планов по их разрешению, чтение в библиотеках научной литературы, поиски людей, согласных помочь. Он совсем не ждал никакой благодарности, умел находить радость в собственном добром поступке. Жена Леонида Борисовича часто сравнивала его с Дон-Кихотом, считая усилия своего супруга также напрасными. Сетовала на его постоянную занятость, утомление, каждый раз высказывала сомнения в успешности очередной альтруистической «задумки». Сам Звягин нередко беседовал с сотрудниками «скорой» о смысле жизни, существовании их врачебного подвижничества, о романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Леонид Борисович утверждал, что Мышкин слишком хорош, чуть ли не святой, но никому из близких людей не помог, разрушил жизни свою и тех, кто ему желал добра. На проверку, по тексту романа оказалось, что у Мышкина в основном были только утешительные слова, но не действия. А слов, даже добрых для жизни в котле антагонизмов, крайне мало.

Деятельностный альтруист Звягин стоял на позиции, что всем людям один человек помочь не в силах, но это не повод, чтобы не помочь хотя бы одному. Современная эпоха коллективного невроза требует от него как от врача и сильного духом человека сформировавшего у себя не только доминантные высоко профессиональные качества, но и широкий реестр альтруистических канонів: от сопереживаний уметь переходить к полновесному владению «наукой побеждать».

Создавая подобный образ М. Веллер показывает нам, что в основе истинной добродетельности лежит духовное, гуманное отношение к миру, любовь ко всему окружающему, видимому и невидимому. Такой человек,

сознательно или подсознательно, распространяет вокруг себя энергию тепла и сердечности. Этот ореол привлекает людей, нуждающихся в дружеской поддержке, совете, понимании. Главный жизненный принцип добродетельного человека – больше заботы о других, нежели о себе. Данная позиция имеет массу преимуществ, прибавляя ее обладателям здоровье и позитивный душевный настрой. Личность, поглощенная своими эгоистическими переживаниями, ежечасно терзается страхами по поводу потери, часто мифической, здоровья, добра, имущества. «Человек добра» критичен к себе и, устремляясь на помощь другим, менее болезненно переносит собственные невзгоды. Так, многие психологи считают, что самый эффективный способ избавиться от своей болезненной застенчивости – помочь преодолеть этот недостаток другим.

Поддерживая других, добродетельные люди привлекают к себе близких по духу. Создаются благотворные круги общения, помогающие устранять трудности и формирующие психологический комфорт. Но даже сталкиваясь с неуравновешенными индивидами, этот человек никогда не ответит на враждебность агрессией, а тактом и взаимопониманием нейтрализует конфликтный очаг, сохранив здоровье всем его возможным участникам. Сам же, наполненный добром и состраданием, он не пустит внутрь себя зло и раздражение, таким образом сохранив и свою жизнеспособность.

К сожалению, подобных людей немного. Поэтому некоторые подчас с недоверием относимся к ним, ожидая подвоха и не принимая целительную помощь. Ведь очень часто встречаются люди, добродетельные лишь внешне. Они, пользуясь этикетными нормами, стараются заслужить позитивную оценку у окружающих, подняться за счет этого в собственных глазах, получить другие выгоды. Такое вольное или невольное стремление выдать желаемое за действительное можно назвать лишь стилизацией. Это явление опасно для тех, кто, доверившись подобному человеку, в самый неподходящий момент оказывается перед истинным «лицом» такого «добродетеля». Личность, для которой добродетельность является стилем жизни, исходит в своем поведении из внутренних устойчивых некорыстных побуждений, характеризующих весь духовный строй ее натуры. Она просто не может поступить иначе, ибо такова направленность ее духовной сущности, система ценностных предпочтений. Она не думает о награде за тяжелую духовную работу и не ждет благодарности. Она творит добро во имя человека, его духовного совершенствования, не представляя себе иных целей жизни. Но данная важнейшая черта личности, по нашему убеждению, воспитывается в социуме, пройдя в нем периоды созревания и становления.

Добродетельность – традиционный канон славянской культуры, одна из составляющих славянского менталитета. Данный жизненный принцип внес весомый вклад в создание идеала добродетельности в мировой культуре. Вслед за смешным Дон-Кихотом, русская литература формирует образ князя Мышкина – странного защитника добра в борьбе со злом. XX век породил

образ Иозефа Кнехта – пример гармоничной добродетельности, способной противостоять антигармонии, утонченному злу: бессмысленности интеллектуального бытия в феномене «игры в бисер». Конечно, идеал не есть реальное бытие и все люди не могут быть одарены харизмой добродетельности. К сожалению, развитие многих не позволяет им подняться и до уровня понимания ее существа, умения отличать добро от зла, не унижать своей подозрительностью добродетеля. Неспособность понимать добродетельность как естественное состояние личности есть абсолютизация зла, придание злодеятельности статуса абсолюта. В теории катастроф теорема хрупкости хорошего гласит: любая система может считаться хорошей, если удовлетворяет некому набору требований, но она должна быть признана плохой, если не выполняется хотя бы одно из них. Столь высокая планка выявляет редкость добродетельности как модификации хорошего. В лучшем случае человечество ориентируется на буржуазное кредо «ты – мне, я – тебе». Добродетельность исходно не руководствуется расчетно-мелкой монетой в чувствах и отношениях, так как подобная деятельность не соотносима с расчетом как таковым вообще и с мелким — тем более.

Бытийствующие отношения выявляют необходимость следующей триады: Первое – понимание добродетельности как объективно-гармоничного состояния человеческого естества. Второе – быть достойным делаемого добра, естественно принимая его, не унижаясь попытками товарно-денежного подхода к его оценке, не впадать в транс от эмоционально-чувственной благодарности за проявленную заботу. Третье – понимать собственное добротворчество как настоятельную неизбывную потребность выражения своего «Я», без взаимозависимости от иного «Я». Только такой аспект обеспечит ликование добра, явится радостью, ценностным ориентиром, не будет выглядеть как тяжкий крест в духовно и доброобездоленном человеческом мире.

В последней новелле «Вечные вопросы» повествуется о том, как врачи «скорой» совместно со спасателями помогли вернуть к жизни студента философского факультета университета Матвея, решившего свести счеты с жизнью в водах Невы. Столь тотальное жизненное поражение несостоявшегося философа-суицидника, еще не приобретшего философскую культуру, не справившегося с первыми прорехами существования, майор не обличает. Исполненный добротой и снисхождением, Звягин, мягко успокаивая, журит, что добавил работы и без того перегруженному медсоставу. Позже, при встречах, несмотря на грубость и отчужденность Матвея, находит слова для формирования доверия. У них идет спор о морали, героях, сильных людях, самоубийстве Э. Хемингуэя, о том, что нужно ли спасать решившегося на самоубийство.

Как профессиональный психотерапевт Леонид Борисович внушает, что и у других людей не только засилье бед, но и череда трагедий, а они мужественно «держатся на плаву», вырабатывая у себя «гормон сопротивляемости»,

формируя свой социально-иммунный статус. Способность к жизненной борьбе, противоборство неудачам, вера в себя [11, с. 243] обязательна и студенту, пожелавшему посвятить свою жизнь обретению мудрости. А суицидная попытка Матвея в период крайней психологической усталости всего общества – это полная душевная отстраненность от всеобщих бед, абсолютная индивидуалистическая сосредоточенность на себе, эгоистический отказ от поиска своего смысла жизни, разрешение страху раздавить свое человеческое достоинство. Речеповеденческая картина, создаваемая врачом-духовником, в коммуникативных ситуациях, впечатляет до чрезвычайности, являя собой «гуманистические правила дарения души» (И. Мосс).

М. Веллер через призму жизненной позиции Звягина высказывает настоящие потребности общества в практической философии мобильного действия, добромиссии по отношению к слабым, способности человека быть счастливым только при развитой альтруистической составляющей. Автором рассматривается альтруизм как существенная часть гуманизма, основополагающая черта философского образа жизни. Ценная альтруистическая одаренность в совокупности с коммуникативным талантом делает образ Звягина очень привлекательным и многогранно обрисовывается в противопоставлении образу Матвея. Отсутствие перспективного мышления и аналитичности, тренажа воли, неустанного закаливания духа у последнего привело к попытке суицида. Автор считает, что будущему мудрецу, даже живя в негативе, работая в экстриме, необходимо руководствоваться вопрошанием: если не я, то кто же. Архиважно взрастить в себе жажду не только мудро объяснять мир, но и изменять его, помогать людям обрести счастье [11, с. 466]. Противопоставляя всегда подтянутого, спортивного, аккуратного, внешне щеголеватого врача-суициднику, М. Веллер ратует за увеличение числа людей, умеющих чувствовать красоту и обладающих способностью множить ее в мире, философски обосновывать свою жизненную стратегию, правомерность подобных позиций и тактику активных действий. По его мнению, обществу крайне необходимы творцы жизни, создающие позитивные события, изменяющие к лучшему судьбы. И это пассионарии-альтруисты. В сопоставлении видно, что не студент – будущий философ, а именно Звягин – не только мудрец настоящего времени, но и его творец. Врач-практик, полный жизни, обладающий богатым воображением и великолепным логическим мышлением, по существу ведет философский образ жизни — в альтруистической заботе о судьбах мира. Именно он личностно интересен своим креативным ориентиром до последнего предела постичь смысл жизни, мудро относиться ко всем ее проявлениям.

По сути, писатель создал идеальный образ не только врача телесных недугов, но и врачевателя человеческих душ – каким должен быть философ. По

мнению А. Герцена, «идеал для всякой эпохи — она сама, очищенная от случайности, преображенное созерцание настоящего... чем всеобъемлемее и полнее, тем всемирнее и истиннее ее идеал» [3, с. 87]. Как показывают философско-социологические исследования, его объективной основой являются социальные интересы.

Выход из сегодняшней анемии автору видится в радикальных действиях калакагативных людей, работающих на грани жизни и смерти, чтобы величайшими усилиями вытянуть постсоветский социум из рутины безвременья и суперсмуты. В то же время вспомним предупреждения М. Вебера, настаивавшего на том, что нужно сохранять трезвость перед лицом идеалов, какими бы они величавыми не были. И в этом автор романа оказался на высоте: наш герой — не икона, он иногда лукавит, отступает от условностей и даже манкирует ими, сознательно вводит подопечного в заблуждения, строит тактическую интригу, заставляя его активно разрешать проблемы и сподвигая на собственное жизнетворчество. Обращает внимание тот факт, что Веллером в этом романе создан не идеал абсолютного радикала типа бесстрашного, смелого и неунывающего Робин Гуда, а идеал альтруиста-мыслителя, умеющего приобщать слабых и пассивных к неутолимому поиску выходов из тупиковых ситуаций, своего дела в жизни, собственного счастьетворчества. Философский рыцарь альтруизма не только коммуникативен, но и общителен, находчив в решениях, умеет держать удар и воплощает собой не кабинетного ранга мудреца, а философа жизнедействия. В условиях целенаправленного разрушения идеалов и безнадежной утраты ценностей гуманизма, обострения социальных противоречий, среди ступшевавшихся от прессинга дистрессов людей, особенно молодежи, не обретшей жизненного равновесия, именно философ сейчас не столько словами, сколько своим активным образом жизни, должен помогать отвечать на вызовы времени. Быть там, где сбился ритм жизни, где наступило смятение разума, утрачены смелость и утонченность интеллекта. Именно ему предстоит не только решать вечные вопросы, быть конфликтоведом, устранять социальную и личностную асимметрию, но и воплощать соответствующие вердикты в жизнь.

Важно отметить, что если у Н. Н. Евреинова («Самое главное», «Корабль праведных», «Театр вечной войны») [6] озабоченность структурой общественного идеала демонстрирует акцент на его ингредиенте — идеале социальном в системе социальных отношений, то М. Веллер делает упор на раскрытии в альтруистическом многоцветии идеала личности. По мнению М. Веллера, гений Сервантеса, Достоевского, Гессе опередил время в создании идеала, а наша эпоха действительно требует идеал в ранге философа-альтруиста. И его герой — майор и врач Звягин как «морально высшее» — ответ на запрос современности.

Литература:

1. Анатомия. Физиология. Психология человека / под ред. А. С. Батуева. — СПб. : Лань, 1998. — 256 с.
2. Веллер М. Приключения майора Звягина. Романы / М. Веллер. — СПб. : Путь, 2003. — 829 с.
3. Герцен А. Собрание сочинений в 3 т. / А. Герцен. — Т. 3. — М. : Политиздат, 1954. — 302 с.

4. Дарвин Ч. Сочинения в 5 т. / Ч. Дарвин. – Т. 5. — М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1953. — 402 с.
5. Дубинин Н. П. Генетика. Поведение. Ответственность / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. — М. : Политиздат, 1989. — 349 с.
6. Евреинов Н. Н. Двойной театр / Н. Н. Евреинов. — М. : Совпадение, 2007. — 303 с.
7. Ефроимсон В. П. Родословная альтруизма / В. П. Ефроимсон // Новый мир. — 1971. — № 10. — С. 27–49.
8. Краткий психологический словарь / под ред А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1985. — 431 с.
9. Кембелл Д. Т. Социальные диспозиции индивидов и их групповая функциональность: эволюционный аспект / Д. Т. Кембелл // Психологические механизмы регуляции социального поведения. — М. : Знание, 1979. — 279 с.
10. Лозовой В. О. Саморозвиток особистості у філософській рефлексії та соціальній практиці : монографія / В. О. Лозовой, Л. М. Сідак. — Х. : Право, 2006. — 256 с.
11. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость / Ф. Ницше. — М. : Эксмо, 2006. — 528 с.
12. Полис А. Ф. Единство социального и биологического в гармоничном развитии личности / А. Ф. Полис. — Рига : Изд-во РГУ, 1981. — 298 с.
13. Словарь иностранных слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. — М. : Русский язык-Медиа, 2003. — 820 с.
14. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. — М. : Политиздат, 1983. — 445 с.
15. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — М. : Гардарики, 2004. — 1072 с.
16. Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. – Т. 1. — М. : Сов. энциклопедия, 1960. — 304 с.
17. Lorenz K. On aggression / K. Lorenz. — L, 1966. — 329 p.
18. Lorenz K. The aggression in the world / K. Lorenz // Psychology today. — 1974. — № 6. — P. 88–103.
19. Crook D. The nature and function of territorial aggression – man and aggression / D. Crook. — Oxford, 1968. — 286 p.